

ЧИСТЫЙ ГОЛОС

К 150-летию со дня рождения Я. П. Полонского

В МОСКВЕ, на Малой Полике, до недавнего времени стоял старинный дом с мезонином. В конце тридцатых годов прошлого века там страстно спорили о немецкой философии, читали и обсуждали стихи пылкие юноши — студенты Московского университета. Дом с мезонином принадлежал отцу одного из студентов, впоследствии известного поэта и критика Аполлона Григорьева, а квартирантом у Григорьевых был молодой Фет. Много будущих знаменитостей заходило сюда для дружеской беседы — и С. Соловьев, известнейший потом историк, и профессор К. Кавелин, и художник П. Боклевский, и поэт-славянофил Иван Аксаков. Огромный духовный заряд — на всю жизнь — получил на этих юношеских собраниях и неперемный их участник — поэт Яков Петрович Полонский.

Полонский родился и вырос в Рязани. Отец его был чиновником среднего достатка. Приехав в Москву и поступив в университет, юноша жил здесь почти самостоятельно, без помощи родственников. Еще в гимназии он начал сочинять стихи. По ру-

кописным тетрадкам, хранившим между рязанскими гимназистами, знакомился с поэмами Пушкина, с «Евгением Онегиным». В 1837 году, находясь в Рязани, Василий Андреевич Жуковский подарил гимназисту Полонскому за его стихотворение золотые часы, сильно возвысив его тем самым в глазах товарищей.

Все молодые годы Полонского наполнены бурными духовными исканиями и борьбой с материальной нуждой. Бедность теснила и преследовала его долго. Репетитор, учитель-гувернер в богатых семьях, мелкий чиновник — сколько унижений хлебнул поэт, впряженный в эту лямку! Подобные испытания, однако, ничуть не сказались на духовном облике Полонского, не остудили жара его поэзии. Мягкий и незлобивый по натуре, романтик и «идеалист», каких порождали в русской интеллигенции тридцатые и сороковые годы, он был чужд карьеристских, рафинированных замашек и приземленного практицизма. Да и в своей поэзии он олицетворял тот расплывчатый, несколько отвлеченный гуманизм, который позволял историкам литературы причислять поэта то к лагерю поборников «чистой поэзии» фетовского склада, то к некрасовской демократической школе. И все же, когда оглядываешь весь писательский путь Полонского, раздумываешь о его дружбе с такими решительными революционерами-разночинцами, как М. И. Михайлов и Н. В. Шелгунов, ясно убеждаешься в том, что Полонский был неподкупным и твердым противником крепостничества, аристократии и реакции. Недаром при всех поворотах жизни он неизменно сочувствовал той социальной работе, которую производила в русском обществе на протяжении многих десятилетий поэзия Некрасова. В конце шестидесятих годов Полонский в удивительных по своей афористической чеканке строках выразил, как он смотрит на роль литератора на Руси:

*Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.*

Долгая жизнь Полонского обняла собою не одну литературную эпоху. Писать он начал, когда еще был жив Лермонтов, юношеские стихи Полонского («Пришли и стали тени ночи») переписывал для себя Гоголь, а на закате дней (скончался он в 1898 году) Полонский дружил с Чеховым, следил за успехами Надсона и Фанавана. И — как конечное звено цепи, идущей от Гоголя, — стихи Полонского любовно переписывал в свои заветные тетради юный Александр Блок!

Некрасов определял особенности поэзии Полонского словами «внутренняя прелесть» и «чистота». Сам Полонский называл свою поэзию «музыкой души». И действительно, он мастер удивительной, почти неподдающейся анализу и разбору поэтической мелодики, окрашивающей все наиболее известные его лирические шедевры. Он любит описывать еле уловимые душевные движения, переход от одного чувства к другому, возникновение чувств. Он любит рисовать гаснущие вечерние зори, мягкое лунное сияние, ночь. Серебряный свет луны, прозрачные тени или смутный полумрак ночной метели — это стихия Полонского. То яркое солнце, каким залиты строфы Майкова или Алексея Толстого, у Полонского встречается очень редко. Таинственный сумеречный колорит окутывает и замечательный «дорожный» цикл стихотворений Полонского. Стоит только припомнить знаменитый его «Колокольчик»:

*Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами
тусклых очей...
Погружай меня в сон,
колокольчика звон!
Выноси меня,
тройка усталых коней!*

В 1846 году Полонский оказался в Грузии и провел здесь целых пять лет. Плодом его пребывания на Кавказе явился сборник стихов «Сазандар». Найти свою интонацию, свой характер стихов о Кавказе после Пушкина и Лермонтова, надо думать, было нелегко. Но какие же полновесные, богато унизанные локальными приметами строки выходили из-под пера Полонского. В русской поэзии он дал кавказской теме новый толчок, новое направление. Здесь его работа шла как бы параллельно работе молодого Льва Толстого, взявшегося за кавказские материалы примерно в те же годы.

Судьба стихотворений, бытующих в народе зачастую без имени автора, — особая счастливая судьба. Она выпала и многим произведениям Полонского. Уже более ста лет поется его «Песня цыганки» («Мой костер в тумане светит»), исключительной популярностью пользовались его «Затворница» («В одной знакомой улице я помню старый дом») и «Узница», навеянная поэту образом отважной русской революционерки Веры Фигнер. Долгие годы входило во все хрестоматии стихотворение Полонского о железной дороге, начинающееся замечательными по ритму, стремительными строками: «Мчит, мчит железный конек! По железу железо гремит...» Достойна удивления новелла в стихах «Миазм» (его восхищался Тургенев), где с такой проникновенностью показана фигура русского крестьянина — строителя Петербурга. Незабываема по своей изобретательности и грации поэма «Кузнецик-музыкант». Все это живое, непомерное наследие Якова Петровича Полонского. Полонский — самобытная и примечательная страница великой русской поэзии, один из самоцветов, придающий ей прекрасное многоголосие и глубину.

Николай БАННИКОВ